

Игорь Шестков "Даржилинг"

ДАРЖИЛИНГ

В каюту влетела бабочка-однодневка.

Я взволновался и залез на потолок.

Одета команда и слуги в одинаковые синие балахоны до колен. У капитана на капюшоне вышита золотой ниткой восьмиконечная звезда. К ней пришит бубенчик. Капитан — паркинсон и заика, подает мне трясущимися руками таблетки и говорит, что все будет хо-хо-хо-рошо. Обещает подарить мне тюрбан, если я буду паинькой. Какое такое хорошо? Того и гляди свалимся в пропасть или утонем в болоте. Ау!

Сегодня я видел поезд! Откуда он взялся, понятия не имею. Кто его вел, куда он ехал? Может быть в нем такие же люди как мы оборудовали свое убежище и теперь катаются по пустым железным дорогам? На одном из вагонов стоял, широко расставив ноги, человек, похожий на ворона, и кивал мне клювом.

Дождевую воду, воду из рек или водоемов пить нельзя. Мы пополняем свой запас воды на неразграбленных складах крупных торговых сетей, так мучивших нас прежде своей несносной рекламой. А на невзорвавшихся бензоколонках высасываем специальным насосом дизельное топливо. Как шмели — нектар на ваших анютиных глазках.

На библиотеку напали шестеро мужчин. Все они брюнеты.

Пит, Джо, Кэр, Дуг, Мек и Трик.

Они сожгли все учебники истории и изнасиловали шесть блондинок.

Ивон, Линду, Жизель, Сару, Леонор и Мэри-Лу.

У Дуга выросли крылья, как у самолета.

Джо умудрился потерять свой кольт. И начал куковать.

Кер сказал, что история всегда вранье.

А у Сары выпала вставная челюсть.

Сегодня ехали через пустыню. Марсель проникновенно играл Баха на нашей фисгармонии, а я глядел на дюны. Одна из них напоминала гигантскую

женщину, расставившую ноги... с головой кошки.

Сфинкс.

Господин Робер всегда одет в пахнущий духами «Богема» легкий бежевый костюм. У него детская добрая душа. Он приводит ко мне Зизи и Бубу, этих славных очаровашек, и мы часами кувыркаемся. Только пух летит к потолку. А потом засыпаем вместе.

Земля принадлежит теперь крысам, тараканам и лопухам.

На них радиация не действует.

Не то что на коленки приматов.

Из моей головы не выходит женщина с кошачьей головой. Она становится все больше и больше, заслоняет собой горизонт. Я отчетливо вижу трещины на ее зеленоватой каменной коже и слышу ее томные вздохи. Вот она медленно разевает свою ужасную пасть. Зевает.

И зовет Мэри-Лу завтракать подземным голосом.

Два наших повара-итальянца Марчелло и Джино носят кожаные фартуки на голое тело и комичные колпачки с пестрыми ленточками. У Марчелло длинные руки и очень большая голова. Иногда он снимает ее с туловища, ставит на плиту — и подолгу беседует с ней. Неужели он за свои сорок восемь лет еще не устал от ее рассказов?

А у Джино есть удивительные туфельки, посмотришь на них справа — они малахитовые, а слева — они не туфельки, а сирень. Джино никогда их не надевает, так и ходит босой, поэтому пятки у него грязные.

Любовался сегодня видами на пагоды. Сколько же их успели понастроить в Шварцвальде! Кажется, они изготовлены из светлого матового фарфора. Надо попробовать кипятить в них молоко.

Женщина-сфинкс наконец исчезла. Ее мелодичные стоны больше не тревожат меня во сне.

Ее место занял ластоногий ящер. Он сидит на куче костей, жует, шевелит длиннющими усами и издает неприятные утробные звуки. Хрюпает. Его называли Господином мира. А он каждый день требовал на завтрак ветчину из послушных подданных. Робер бросил его в бассейн с морской водой, пусть себе плавает как поплавков.

Наши охранники — Жан и Жак носят черные шорты и рубашки без рукавов. Они часто ходят ночью на цыпочках по моей каюте... что-то ищут... выются, выются вокруг моей койки, как осы вокруг тетиного мармелада. Они же выполняют обязанности судовых палачей. Я знаю, там, в черных сундуках в капитанской кладовке, хранятся маски, красные плащи до пят с капюшонами, розги, пилы и топоры. Однажды я заглянул в кладовку и видел, как на одном из сундуков темно-фиолетовые летучие мыши справляли свадьбу. Неприятное зрелище, поверьте! Глядя на них, морские свинки вздыхали и притоптывали, а бурундучишки надували щеки и трубили.

Сегодня видел, как по реке плывут тысячи трупов.

Наверное повстанцы.

Марсиане не появлялись на своих треножниках.

Длинноносый судовой врач Лучано носит белый халат, который охотно меняет на судебную мантию. Ох и любит он важничать! Прямо генерал. В его кабинете стоят стеклянные шкафы со скальпелями и пинцетами. Есть и цинковый стол — и этот доктор Шнабель играет на нем, как на органе. Потому что он электрический.

Мне показалось, что у меня растут уши и уменьшаются руки. Я начал мерить их линейкой. Действительно, и растут и уменьшаются, примерно по четверти миллиметра в день. Скоро не смогу ширинку расстегнуть, но зато смогу летать. Виу-виу-виу.

Наш струнный оркестр, состоящий из восьмерых ассирийцев, одет в препарированные фраки. Спереди — фраки выглядят вполне благопристойно, сзади же — все уже не так чинно, потому что зады музыкантов обнажены. И они светятся в темноте как ночные лампы! Так всегда у ассирийцев. На нашем корабле никто над ассирийцами не смеется.

Только Маркиз стреляет в них через трубочку бузиной.

После окончания вечерней программы оркестранты прячут свои лиры и лютни в футляры, ужинают с другими слугами и уходят на нижнюю палубу, где укладываются спать в общей каюте, из иллюминаторов которой можно ухитриться поймать за хвост пятилапого кролика или сорвать поющую маргаритку.

Мы начали свой путь на восток по воде, а затем, по мере приближения к Рудным горам, все чаще передвигались на колесах — по пустым автобанам и проселочным дорогам. Двигались медленно. Быстро наш драндулет не может. Иногда капитан специально кругаля дает... и крутит, крутит... объезжает атомные станции. Работающие на них люди умерли. Графитовые стержни давно расплавились... станции превратились в пылающие атомные котлы... по ночам видны на небе багровые зарева.

Мы предпочитаем носить цветные шаровары из китайского шелка и муслиновые рубашки.

Я обвешал себя сегодня серебряными грушами. А Маркиз целый день проходил в костюме Адама. Робер подарил ему заводную мышку. И Маркиз гоняется за ней как кот.

Мы катим по затвердевшему дну давно пересохшей реки на речном трамвайчике, который предусмотрительные инженеры снабдили сотней стальных колес на мягких рессорах. Колесики шуршат шур-шур-шур. Река была узкой и глубокой, поэтому из иллюминатора я вижу только стены из земли, песка и камней. И ласточкины норы. Чтобы увидеть мир наверху, нужно задирать голову. А я боюсь, что у меня кадык выпадет.

Видел огромное кривое дерево, на котором висели повешенные. Человек двадцать. На лысой безносой голове одного из них сидел неизвестный мне зубастый зверек.

Он пел песенку тра-ля-ля-ля-ля.

Изредка мы встречаем на нашем пути и выживших — бездомных, ошалевших, отчаявшихся людей. Они бросают в наш корабль камни и истошно кричат.

Помочь мы не можем — поэтому мы отвечаем им залпами трех наших корабельных пушек, расположенных на носу, корме и верхней палубе. Палим в воздух безвредным фейерверком. Действует это средство безотказно, несчастные тут же разбегаются кто куда.

У меня начали трястись большие пальцы. Проклятый Шнабель небось и зуб вырвать не сможет. Чертов бездельник. Целый день дудит в свою алюминиевую дудку и трясет хоботком. Нюхает пачули и жует воск.

Конец света не за горами. А сверчки трещат себе. Ведь они хуже сорок. Прыгнул

тут один на меня зеленый, на руке сидел, стрекотал-стрекотал, а потом затосковал и укусил. Я пожаловался Маркизу. Он сказал, что кузнечики не кусаются. А я точно знаю, что у них есть маленькие стальные челюсти и жала. Об этом мне мушка-золотушка рассказала.

На улице выжить невозможно, бактерии, попавшие в воздух из брошенной в панике лаборатории в Форт-Детрике распространились по всему миру и умертвили почти все население Земли задолго до наступления настоящего часа икс. Торопыги!

Мы обогнали трех королей.

Один из них был похож на Голема из старого фильма.

Он величественно помахал нам рукой.

И пустил ветры.

Около двух лет назад, когда информация о неотвратимом кошмаре была достоянием только узкого круга посвященных лемуров, мы без сожаления ликвидировали наши бизнесы, продали акции и коллекцию крокусов, отдали недвижимость на острове Бора-Бора нетерпеливым наследникам и купили речной трамвай.

Робер устроил потешную шахматную игру. Бубу и Кака играли против Марселя. Смешно твякали и служили. А фигуры передвигал за них сам Робер. Вот мошенник! Как и все профессора.

Проиграл янтарный перстень. С семерки надо было пойти, что же я за дурак! Под бельгийских девяток непременно надо с семерки ходить. Тогда они ласковые.

Речной трамвай — самое доброе транспортное средство. У самолетов и автомобилей — акульки морды и плавники. У поездов — повадки гиены. Океанские лайнеры — притоны для разбойников и некрофилов.

Сегодня тащимся по дороге. Туман.

Ненавижу синий свет.

Никогда не знаешь, какое чудовище сидит в соседней комнате.

Или в голове у сожительницы.

Опять видел повешенных. На двух толстенных ветках сухого дуба висели.

Четверо на нижней и четверо на верхней. Внизу взрослые, наверху дети.

Наверное, семья. А на верхней, опиленной ветке, как на табуретке — восседала голая до пояса ведьма. Руки подняла, выла и раскачивалась. Так что и повесившиеся под ней качались. Как будто все вместе танцевали твист. Волосы у ведьмы стояли дыбом. Она заметила мое лицо в иллюминаторе — и жутко загримасничала... затем поманила меня к себе... подмигнула и потрясла черными отвислыми грудями.

А я взял свисток и давай свистеть.

Робер, кажется, втюрился в Марсея и затевает с ним вместе что-то судорожно-пакостное. Везде интриги, даже на нашем ковчеге. Что нам делить перед приходом шестиногой твари? Бубу или Зизи?

Пряники давно не давали на полдник.

Вики заболел. Я попросил санитаров усыпить его и сделать из него чучело, но они только плечами повели. Когда они это делают, то становятся похожими на бобров. Прикажу Жану выпороть их по толстым меховым задницам, только не знаю, послушается ли меня этот тупой солдафон!

Ели мороженное страчателло.

Старая негритянка Офелия приготовила. А потом раздула шею пузырем.

Мурашки по коже. Похоже, она самец.

Навестил Марсея. Он переливал какую-то прыскающую желтым дымком жидкость из пробирки в колбу. Заявил мне, что его цель близка, и что он уже несколько раз держал в руке красную тинктуру. Что для окончательной материализации он должен дождаться того момента, когда Сатурн придет в дом Юпитера. Не понимаю, как Марсель может долго терпеть в лаборатории трехметрового василиска, рыжих мужчин-петухов с жабыми лицами, опустившегося вора Плутона, красавчика Смита и других мерзких тварей.

Проезжали широченное поле. На поле стоял здоровенный камин.

В камине огонь яркий и гудит как паровоз.

Со всех сторон сбегались к камину люди. И бросались в огонь. А предводительствовал ими эмиссар Эмиль на коне. Конь этот испугался нашего корабля и понес. Поэтому эмиссар остался в живых. Оказалось, он умеет вязать морские узлы. Мы взяли Эмиля юнгой. Пусть ухаживает за мексиканскими собачками и рыбок кормит.

Около года специалисты одной из верфей Датского королевства переделывали речной трамвай Рейнского флота в бронированную машину, похожую на металлического жука, с роскошными каютами для гостей, и удобными помещениями для жизни и работы обслуживающего персонала. Голландцы построили мощную вентиляционную систему с сменяемыми биологическими и радиационными фильтрами, встроили в трамвай современную кухню, кинотеатр, бассейн, сауну, баки для воды и топлива. Бригада снабженцев наполнила наши холодильники гусиными печенками и жареными утками.

Нанять персонал не составило труда, золото творит чудеса и во времена приближающегося катарсиса. Ведь мы платим золотыми монетами. Звонкими монетками, отчеканенными в Каркассоне. С изображением человека, стоящего на коленях перед вставшей на задние лапы пантерой.

Сегодня Маркиз опять рассказывал о проделках Дюрсе. Вот, умора! Он оказывается пришел в полицию Миранды на ходулях, устроил там скандал... а на допросе рассказывал о том, что леший похитил его из детской коляски, когда мать присела справить нужду, и что родители нашли его только через десять лет в том же лесу, в котором он пропал. Будто бы его выкормила лиса.

Я видел летящего монаха.

Его несла сова с треугольной головой.

А спятивший винодел танцевал в бочке.

Маркиз, кажется, решил не на шутку приударить за Марчелло. Дождется, что Марчелло проткнет его вертелом или посадит на раскаленную сковородку. Ведь Марчелло из Сицилии, а там за предложение однополрой любви полагается убивать.

Эпидемия началась через две недели после нашего отбытия из Роттердама, от смерти нас спасла случайность — как раз тогда, когда зараженное чумными бактериями облако накрыло Германию, мы находились под землей, в середине двадцатикилометрового туннеля. Чтобы не задохнуться в выхлопных газах, мы задраили люки и иллюминаторы и использовали наши кислородные баллоны. По радио мы услышали предупреждение о чумном облаке и решили остаться под землей как можно дольше.

Терпеть не могу муравьиную кислоту.

А Марсель режет ее ножом и втирает в кожу!

И танцует под пальмами в обнимку с белогрудым Филандером.

Мне приснилось сегодня, что я еду на открытом автобусе по мексиканской саванне. Потная, злая кондукторша унижает меня, называет бездомной собакой, грозит высадить, пытается вцепиться мне в щеки своими коротенькими малиновыми когтями. Я отбиваюсь, как могу. На остановке у поселка Мескалин в наш автобус входят старые знакомые кондукторши — длинный и гадкий, похожий на Хеллбоя с безобразными отпиленными рогами и толстый и бешеный, смахивающий на Робби Колтрейна, с гитарой и мешком. Кондукторша жалуется на меня длинному, и он бьет меня кулаком в лицо. А толстяк наяривает на гитаре фламенко. Пассажиры аплодируют им. А кондукторша делает Хеллбою минет.

Мы проезжали через разрушенный Франкфурт.

Видел идущую по канату девушку. Кто-то натянул канат между двумя небоскребами. Она поддерживала равновесие длинным бамбуковым шестом. А Сатана схватил шест своей костлявой лапой и обвил ногой ее изящное бедро. Над ними пролетел самолет. Через минуту на горизонте вспыхнул огненный шар. Точное попадание!

Маркиз рассказывал про марсиан. Про их безрадостную жизнь на холодной планете. Я пытался понять, марсианин ли я. Трудно думать без антенны на голове.

Я даже не знаю, человек ли я. В человеке все течет и изменяется, а во мне все застаивается как в луже.

Сегодня Робер привел ко мне двух лилипуток. Они не смогли заменить мне Додо. Их кожа не шелковиста, а пориста и груба, также как и их сальные шутки. Я не связывал и не бил их, они были и так согласны на все, но когда я стал по своему обыкновению усердствовать — обе распустили нюни и отказались продолжать игру. Я вызвал Робера и он увел их, плачущих, в комнату Жана. Через неделю мы выехали из туннеля.

К тому времени от 400-миллионного населения Европы осталось в живых не более пяти тысяч человек. Хотя, кто их считал?

Марсель говорит, что человечеству давно пора исчезнуть. Мы не оправдали

надежд.

Капитан принес две розовые таблетки и не уходил, пока я их не проглотил.

Вот уже четыре месяца мы катим по пустым дорогам мертвого континента.

Пузырь на шее Офелии все растет и растет.

Вики выздоровел, играл с нами, апортировал и лизал Маркизу шершавые пятки.

Робер сказал, что это чудо воскресения.

Обещанный мне тюрбан я так и не получил.

Доктор Шнабель заявил, что я галлюцинирую, и рекомендовал шалфеевые ванны и чай Даржилинг.